

другими дифтонгами и геминатами в текстах и в примерах (50, 52, 59, 106, 108, 124, I; 11, 16, 62, 11 и др.).

В заключение следует сказать, что «Очерки по фонетике иранских языков» В. С. Соколовой являются ценным научным вкладом в изучение фонетики современных иранских языков. Как мы показали, автор устанавливает на материале различных иранских языков систему фонем, показывает соотношение фонемного состава между языками, их различие и сходство в материальном проявлении их звучания. С появлением работ В. С. Соколовой многие общefonетические закономерности западноевропейских, тюркских, кавказских и других языков были обнаружены и подтверждены инструментальным методом на обширном лингвистическом материале различных современных иранских языков, изучение малописьменных и бесписьменных иранских языков поднялось на высокую ступень научного исследования. Вместе с тем этот факт является ярким свидетельством национальной политики нашего государства — равного отношения к культуре и языку всех народностей нашей страны. Рецензируемая работа показывает, что мы имеем дело с крупным ученым-фонетиком в области теоретической и практической фонетики современных иранских языков.

Фуад Кязимов

Д. Дечев. *Характеристика на тракийския език*. — София, изд. на Бълг. Акад. на науките, 1952. 136 стр.

Болгарская лингвистическая литература пополнилась весьма важным исследованием. Вышла в свет книга акад. Д. Дечева, посвященная характеристике звукового строя фракийского языка — одного из древних языков Балканского полуострова¹.

В §§ 1—33 рецензируемой работы (стр. 6—42; 65—103) дано описание звуков фракийского языка по сравнению со звуками реконструируемого общеевропейского языка и исторически засвидетельствованных индоевропейских языков; в § 34 излагается отношение фракийского языка к фригийскому (стр. 42—46; 103—107); в § 35 говорится о связи фракийского языка с албанским (стр. 46—53; 107—115); последний § 36 посвящен месту фракийского языка среди других индоевропейских языков (стр. 54—58; 115—119). Из сказанного следует, что Д. Дечев дал в своей работе очерк фонетики фракийского языка и лишь попутно затронул некоторые вопросы лексики и морфологии.

В связи с отсутствием связанных текстов на фракийском языке мы почти ничего не знаем о морфологии и тем более о синтаксисе этого языка². Но с лексикой дело обстоит иначе. Как известно, лексика играет основную роль в деле создания прочной базы для сравнительно-исторического исследования, ибо нужно сперва сравнить с л о в а, чтобы иметь затем возможность установить фонетические, морфологические и другие закономерности для родственных языков³.

К сожалению, лишь в виде исключения Д. Дечев наряду с общеевропейским корнем приводит фракийское слово в реконструированном виде⁴. А было бы не лишним даже в работе, специально посвященной фонетике, приложить хотя бы список

¹ Работа написана на болгарском и немецком языках (болгарский текст : стр. 3—61, немецкий : стр. 63—119), а также имеет резюме на русском языке (стр. 120—124). В настоящей рецензии ссылки на книгу Д. Дечева даются в скобках в тексте, причем параллельно указываются страницы болгарского и немецкого вариантов.

² Морфологии посвящено несколько замечаний (стр. 28, 32, 38, прим. 3 и 4; 88, 92—93 и 99, прим. 1 и 2). О синтаксисе говорить пока вообще не приходится, так как чтение надписи на перстне из Езерово (V в. до н. э.), найденное в 1912 г., не может еще считаться установленным. Новое толкование см. у автора (стр. 28, прим. 2; стр. 88, прим. 3).

³ Ср. А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языковедении, ВЯ, 1952, № 4, стр. 8.

⁴ Кроме некоторых глосс, как βρῖχα «полюс» (стр. 14; 73) βρῖχα «город» (стр. 20, прим. 4; стр. 80, прим. 4) и др., Д. Дечев приводит следующие фракийские слова: awlo- «посвятить» (стр. 20; 80), daw-, daw- «бежать» (там же), pva- «рынок» (стр. 6; 65), tharpo- «долина» (стр. 7; 66). Для других фракийских слов автор дает только общеевропейский корень, а также родственные слова в других индоевропейских языках. Например, Zald-ατα, Zald-ετα, Molud-ετα и др. и.—е. av «вода», «река», в лат. amnis (-abnis), др.-ирл. av «река» (стр. 29; 89).

фракийских слов или корней с переводом¹. Следует попутно заметить, что при этимологизации фракийских имен и названий автор часто возводит фракийские слова к индоевропейским архетипам, руководствуясь только наличием фонетических соответствий между ними и упуская из вида семантическую сторону. Это и делает многие этимологии Д. Дечева мало убедительными. Так, фракийское имя $\Delta\alpha\lambda\alpha\zeta\epsilon\tau\mu\epsilon\varsigma$ автор толкует как $\Delta\alpha\lambda\alpha$ - от и.-е. *dhal* «цвести, зеленеть» (ср. греч. $\theta\acute{\iota}\lambda\lambda\omicron\varsigma$, алб. *dall* «вскодить, пускать ростки») + $\zeta\epsilon\lambda\mu\epsilon\varsigma$ из и.-е. *k'el* «прятать, покрывать». Однако, как увязать эти два понятия в одну этимологию, автор не говорит; да и вряд ли это возможно. Не лучше обстоит дело, если взять для $\zeta\epsilon\lambda\mu\epsilon\varsigma$ фракийскую глоссу $\zeta\alpha\lambda\mu\omicron\varsigma \cdot \delta\omicron\rho\acute{\alpha}$ «шкура». Поэтому приходится толковать $\Delta\alpha\lambda\alpha$ - скорее как «теленюк» от и.-е. *dhei-*: *phe-*: *dhi-* «сосать» (ср. алб. *dele* «овца»)².

Вместе с тем следует указать, что в работе почти отсутствует филологическая документация источниковедческого материала. Лишь изредка в плане полемики автор касается источниковедческой стороны дела (например, на стр. 11, 12, прим. 1 и стр. 13, прим. 1 и 2; стр. 70, 71, прим. 2 и стр. 72, прим. 4). Это является следствием неудачно сложившихся обстоятельств, а именно того, что подготовленное автором собрание фракийских языковых памятников (глоссы, имена) до сих пор не напечатано Венской академией (см. стр. 3; 63)³.

Если при восстановлении облика скифского языка неоценимую помощь оказал его далекий потомок — осетинский⁴, то использование албанского языка при работе над фракийским пока что не дало столь значительных результатов⁵. Тем большее значение вследствие этого приобретает филологическая интерпретация источников⁶. В смысле охвата источниковедческого материала автор сделал немало. В своем исследовании он значительно расширил круг используемых источников по сравнению с работой Томашека, в основном за счет новых эпиграфических и отчасти палирусных находок. Об этом дает наглядное представление указатель к его книге (стр. 125—134) в котором много имен, не имеющих у Томашека (например, на букву «А»: $\text{A}\beta\epsilon\zeta\epsilon\lambda\mu\epsilon\varsigma$, $\text{A}\beta\lambda\omicron\upsilon\theta\eta\varsigma$ и др.; на букву «В»: $\text{B}\alpha\rho\gamma\iota\delta\epsilon\nu\theta\eta\varsigma$, $\text{B}\acute{\epsilon}\zeta\gamma\upsilon\varsigma$ и т. д.).

После этих — по существу предварительных — замечаний перейдем к рассмотрению основных положений автора. Они сводятся к следующему:

1. Фракийский язык принадлежит к группе *satem*⁷.
2. Фракийский язык сложился в результате скрещения иранского языка с этрусским.
3. Фракийский язык неродствен иллирийскому и фригийскому, так как последние принадлежат к группе *centum*.
4. Фракийский язык является языком-основой албанского языка.

Хотя деление индоевропейских языков на диалекты по единственному признаку спирантизация заднеязычных языка-основы (*k/s*) не может считаться очень точным⁸, тем не менее первое положение автора не вызывает в целом возражений. С известными поправками может быть принято последнее положение. Иначе дело обстоит со вторым и третьим. Согласиться здесь с автором мешают: во-первых, скудость привлеченного материала; во-вторых, то, что утверждения Д. Дечева расходятся со свидетельствами древних авторов; в-третьих, некоторые преждевременные обобщения и гипотезы, которые он выдвигает.

Если ограничиться наиболее существенными фонетическими признаками, характеризующими индоевропейские диалекты, то выводы автора могут быть представлены в виде следующей таблицы:

¹ Наподобие списка Томашека (см. W. Tomaszek, Die alten Thraker, II, в кн. «Sitzungsberichte der philosoph.-hist. Kl. der Akad. der Wissenschaften», Bd. 131, Wien, 1894, стр. 101—103).

² Подробнее я касаюсь этих вопросов в статье «Эпиграфические следы фракийского языка в Северном Причерноморье» (непечатаемая).

³ Ср. «Anz. der Osterreich. Akad. d. Wiss., Philosoph.-hist. Kl., 86 (Jg. 1949), № 1, Wien, 1950, стр. 28 (постановление вновь печатать работу Д. Дечева «Die thrakischen Sprachreste»).

⁴ Обзор работ, посвященных изучению скифского языка, см. в статье: J. Harmatta, Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia, «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. I, fasc. 2—3, 1951.

⁵ См. ниже, стр. 142.

⁶ Это учитывает также и автор, который посвятил данному вопросу свои «Вводные замечания» (стр. 4; 64).

⁷ Полемику с Йоклем, сторонником противоположной точки зрения, см. на стр. 13, 14; 72, 73.

⁸ См.: T. Lehmann, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946, стр. 28—29 и 149, прим. 32 (с указанием литературы вопроса); Б. В. Горюнов, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров, Проблема образования и развития языковых семей, ВЯ, 1952, № 1, стр. 53.

И.-е.	Фрак.	Алб.	Фриг.	Иллир. ¹	Арм.	Иран.
ō	a	a	ō	ō	o	a
ǎ	a (e)	a	a	a	a	a
k'	s	s — th	k	k	s	s — th
g'	z	z — dh	g	g	c	z — dh
b	p	b	p	b	p	b
d	t	d ²	t	d	t	d
g	k	g	k	g	k	g
bh	b	b	b	b	b	b
dh	d	d	d	d	d	d

Д. Дечев, опираясь на указанные выше черты сходства в фонетической структуре между фракийским и иранским (и.-е. $o > a$, спирантизация заднеязычных), а также на некоторые другие явления (и.-е. $k'w, g'(h)w > sp, zb, d-t, dh-t, tt > st$), приходит к неожиданному выводу, что фракийский язык будто бы возник в результате скрещения иранского языка с этрусским (стр. 54; 115), и если вычесть моменты, объясняющиеся скрещением (например, передвижение согласных), то остальные черты в области фонетической структуры свидетельствуют об исключительной близости фракийского и иранского. С этим согласиться невозможно. Не говоря уже о том, что для решения данного вопроса необходимо установить ряд совпадений не только в фонетике, но и в области морфологической структуры и основного словарного фонда исследуемых языков (а этого нет в рецензируемой книге), следует подчеркнуть, что перечисленные Д. Дечевым черты сходства в области фонетики свидетельствуют лишь о диалектном родстве фракийского и иранского в пределах главным образом группы satem индоевропейских языков, но не более.

В самом деле, переход и.-е. δ в \tilde{a} встречается, кроме указанных языков, также в литовском и германских; спирантизация заднеязычных — в армянском, славяно-балтийских, индийских языках; изменение $t-t$ в st — в славяно-балтийских и греческом языках. Небезинтересно отметить, что переход и.-е. δ в \tilde{a} характерен для фракийского и балтийских языков (но не славянских!), а явление вставного t в группе $s-r$ известно в славяно-балтийских и германских языках (см. стр. 58; 119—124)³.

Не дают каких бы то ни было оснований для отождествления фракийского языка с иранскими языками и скудные данные о доисторическом сосуществовании этих языков в Центральной и Восточной Европе. Так, гидронимы свидетельствуют о том, что еще в начале I тысячелетия до н. э. фракийский язык находился в близком соседстве с иранскими языками в районе местонахождения предков славян и балтов⁴ и что местами фракийские наименования вытеснялись иранскими (например, *Tiras* — *Днестр* < *Dāna* — *Ister*, где в первом компоненте имеем иран. *dānu* «река», осет. *dōn* и во втором — фрак. *Ister*⁵). Последнее обстоятельство говорит о более древнем наличии в этих краях фракийского элемента по сравнению с иранскими⁶.

¹ Под иллирийским автор понимает балкано-иллирийский, исключая венецкий и мессапский (стр. 53, прим. 2; стр. 114, прим. 2). Иллирийские соответствия Дечева наиболее спорны.

² *B, d, g, n* произносятся с оглушением, особенно в некоторых положениях; ср. К. Сиро, *Gramatika shqipe, Tiranë*, 1949, стр. 22, 33 и др.

³ Переход этот вообще мало показателен, так как он известен и во французском (ср. ст.-франц. *estre* < лат. *ess(e)-re*; франц. разговорное *castrole* из *casserole*) и мог возникнуть в разных языках независимо друг от друга.

⁴ См. Т. Lehrs-Pławiński, указ. соч., стр. 38—39.

⁵ См.: там же, стр. 60—61 и 168—169, прим. 99, 101 и 103; В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, вып. I, М.—Л., 1949, стр. 162 и 236; А. И. Белецкий, *Проблема языка скифов*, «Мовознавство», т. XI, Киев, 1953, стр. 80 (на укр. языке).

⁶ Этот вывод подтверждается также историческим материалом: античная традиция (Геродот, IV, 11—12) считает киммерийцев предшественниками скифов в Северном Причерноморье и иногда отождествляет их с фракийским племенем треров (Страбон, I, 3, 21).

Далее, по общеметодологическим¹, равно как и по конкретно-историческим соображениям, представляется н е в е р о я т н ы м, чтобы в результате скрещения фракийский язык мог обособиться от иранской группы языков. К тому же весьма рискованным представляется мнение именно об этрусском субстрате, которым будто бы и были названы такие особенности, как передвижение согласных и др. (ср. стр. 54 и сл.; 115 и сл.), поскольку: 1) изучение этрусского языка все еще находится на такой стадии, когда приходится воздерживаться от сколько-нибудь широких обобщений этрусских лингвистических материалов, 2) совершенно не доказуемо, что территория между Балтийским, Черным, Эгейским и Средиземным морями была заселена одним и тем же субстратом, скрещение с которым и превращало иранский язык во фракийский (стр. 55. прим. 2; стр. 116, прим. 3)².

Балкано-иллирийский язык в понимании Дечева не похож ни на венетский язык, ни на мессапский — единственные «иллирийские» языки в широком смысле этого слова, которые можно здесь привлечь для сравнения. Если при современном состоянии наших сведений в венетском языке правильнее всего видеть отдельную ветвь индоевропейских языков³, то вместе с тем нет оснований сомневаться в иллирийском характере мессапского языка, в котором, как во фракийском и албанском, и.-е. $\delta > \check{a}$, и.-е. $bh, bh, gh > b, d, g...$ и т. д.⁴.

Если сравнить иллирийский (мессапский) с фракийским, то обнаруживается, что спирантизация заднеязычных и есть важнейший признак, который их отличает (мессапский относится к группе *centum*). То же самое можно утверждать относительно балкано-иллирийского, так как в балкапо-иллирийском и.-е. δ имеет двойной рефлекс δ и \check{a} . Однако кентумный характер балкано-иллирийского и фригийского языков не может считаться доказанным⁵.

Если материал, проанализированный у Краге (Krahe), дает примеры на $k' > k$ и $g' > g$, то имеется и противоположный материал, как-то: названия рек и местностей, проанализированные Майером и Йоклем ($\Delta\acute{\iota}\zeta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ «крепостная река» — и.-е. $dheig'h$; $\Lambda\sigma\alpha\tau\iota\tau$ «камень» — и.-е. ak' ; ср. др.-инд. $a\check{s}man$, авест. $asman$, лит. $a\check{s}men(y)s$ «острие»), подтверждающий вывод о s и z , восходящих к и.-е. k', g', gh (стр. 50, 53; 111, 114)⁶.

Нам кажется, что если на Балканах были языки и *centum* (родственные венетскому и т. д.) и *satəm* (родственные фракийскому), то нельзя делать отсюда прямолинейный вывод, что все *centum*-языки на рассматриваемой территории иллирийские, а все языки группы *satəm* — фракийские. К тому же то, что называется сейчас балкано-иллирийским в языковом отношении, очевидно, было родственно фракийскому⁷.

В связи с этим мы считаем преждевременной попытку акад. Дечева (стр. 45—46; 106—107) поставить под сомнение данные античной традиции о родстве фракийского языка с фригийским (Геродот, VII, 73; VIII, 138 и др.; Страбон, VII, 295, 471 и фрагм. 25; XII, 550) и последнего с армянским.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 29—30.

² Такая гипотеза вряд ли в состоянии двинуть вперед решение интересующего нас вопроса, поскольку передвижение смычных согласных засвидетельствовано также в армянском и хеттском языках, где надо было бы говорить об «анаатолийско-южнокавказском» субстрате.

³ Ср. И. М. Троицкий, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 56.

⁴ См. там же, стр. 57 и сл. В венетском, как и в итальянских языках, и.-е. $bh, dh > f$.

⁵ Кречмер и Йоклем относили фригийский язык к группе *satəm* (см. библиографию у автора на стр. 45, прим. 1; 105, прим. 4).

⁶ То же самое приходится констатировать относительно фригийского языка. Наряду с примерами деналатализации $g', g'h, k'$ (стр. 44—45; 115), как $\epsilon\tau\iota\text{-}\tau\epsilon\tau\iota\chi\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ «обореченный» (< и.-е. $deik'$: dik' ; ср. греч. $\acute{\alpha}\rho\omicron\text{-}\delta\epsilon\iota\chi\nu\omicron\mu\iota$), имеются примеры перехода k' и $g'h$ в s и z ($\sigma\iota\chi\mu\iota\upsilon\varsigma$ < и.-е. $k'-ig'$ «прыгать»; $\zeta\epsilon\lambda\chi\iota\alpha$ < и.-е. $g'hel$ «зеленый»; $\alpha\sigma\sigma\upsilon\varsigma$. $\zeta\epsilon\mu\alpha\nu$ < и.-е. $g'heu$; ср. греч. $\chi\epsilon\upsilon\mu\alpha$ «излияние»), которые автор, правда, склонен отбросить по тем или другим причинам. Ср. еще фриг. $-ezis$ «еж» (ср. армян. $ozni$) из и.-е. $eg'hi$.

⁷ Любопытно, что так называемые «праиллирийские» элементы в греческом языке (см. V. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache, «Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, т. XXXIII, 4, 1936, стр. 66—108) по фонетической структуре соответствуют данным фракийского языка (и.-е. $\delta > a$, спирантизация заднеязычных и др.). Другое объяснение находим у Д. Дечева (стр. 58; 119—124). Он считает, что эти элементы возникли в результате ассимиляции иранских слов и звуков в «этрусском» языке абorigенов Греции, а затем были переданы греческому языку, вытеснившему в свою очередь туземный язык этрусков.

Гораздо более убедительно освещена в рецензируемом исследовании проблема фрако-албанских связей. Как известно, в науке существуют две концепции относительно происхождения албанского языка. Так, Г. Майер, Бугге, Йонль считали албанский продолжением иллирийского языка¹, Хирт и Вейганд — потомком фракийского. К последней точке зрения примыкает и Девен (стр. 46—47; 107—108). Целый ряд фонетических особенностей [например, и.-е. $\delta > a$; и.-е. $\acute{e} > ie$; и.-е. $bh, dh, gh > b, d, g$; и.-е. $k', g', g'h > s, z$ или th, dh ; и.-е. $dl > g(k)$]² роднит албанский язык с фракийским; прослеживается также группа родственных слов в обоих языках (например, *mal* «гора», *burrë* «муж», «мужчина», *ballë* «чело», *bunë* «хижина», *mbi* «при» и другие)³ и, наконец, весьма показательна сходная судьба латинских слов в албанском и дако-романском (например, лат. *populum* «тополь» — алб. *pler*, рум. *plor.* молд. *плон*, но франц. *peuplier*, итал. *pioppo*; лат. *lucta* «борьба» — алб. *luftë*, рум. *луптă*, молд. *лунтă*, но франц. *lutte*, итал. *lotta*, исп. *lucha*).

Безусловно, это слишком серьезные доказательства, чтобы их не принимать во внимание. Но подходу критически, следует заметить, что автор недостаточно использует материалы албанского языка (в первую очередь словарь) при объяснении фракийских имен⁴.

Несомненно, что при более широком привлечении материалов албанского языка четвертый вывод автора станет еще более убедительным⁵. Так, например, немало может быть сделано в деле реконструкции фракийского языка, если глубже исследовать акцентуацию и интонацию албанского языка⁶.

Известно, что печальный неудачный слог, особенно гласный, очень слаб в албанском языке. Это явление хорошо иллюстрируется судьбой латинских заимствований в албанском и дако-романском языках: ср. лат. *aprilis* алб. *prill*, молд. *приер*, рум. *prier-* (разг.); лат. *arena*, молд. *анине*, рум. *arină* (диал.), алб. *rërë*.

Очевидно, в какой-то связи с явлением слабости начального слога, характерной для албанского, находится колебание *a — e* во фракийском (стр. 29; 89); ср. имена $\Delta\alpha\lambda\delta\text{-}\sigma\alpha\chi\omicron\varsigma$ — $\Delta\alpha\lambda\delta\text{-}\sigma\eta\lambda\omicron\varsigma$, *Vyrebistas* — *Vrabistas* и др.

Несколько слов по поводу исторических судеб фракийцев и албанцев. Автор полагает, что вследствие вторжения иллирийцев фракийцы были вынуждены уйти в горные районы, где были обречены на «бедность и бескультурие» (стр. 51—52; 113). Возникает справедливый вопрос: почему же в албанский язык перешло столько латинских слов, свидетельствующих о длительных связях между римлянами и предками албанцев, если романизовалось только прибрежное иллирийское население, которое, как полагает автор, по языку столь резко отличалось от фракийцев.

Но все эти трудности отпадают, если допустить древнее родство между балкапо-иллирийским и фракийским⁸. Косвенный материал для такого рода суждений дают

Однако столь сложная гипотеза мало правдоподобна и мы склонны здесь видеть лексические заимствования из языка, родственного фракийскому. Ср. также рецензию Б. В. Горнунга на кн. Вл. Георгиева «Проблемы минойского языка» (ВН, 1954, № 2, стр. 108).

¹ На последней точке зрения стоят и албанские ученые; ср. Алекс Буду, О создании единого албанского литературного языка, «Известия [АН Арм. ССР]», Обществ. науки, 1951, № 6, стр. 77 и сл.

² И.-е. $dl > gl$ (алб.) и kl (фрак.).

³ Существование этих слов во фракийском доказывается тем, что при их помощи достигается удовлетворительная этимологизация фракийских собственных, этнических и географических имен в рамках установленных звуковых соответствий, например, *Dacia Malvensis* (иначе *Ripensis*), где лат. *-ripa* является, очевидно, переводом фрак. *mal*; Κασιβύων , где лат. *casa* поясняется при помощи фрак. *buno-* (ср. иллир. этноним *Buni* и название местности Βούωνος), и т. д.

⁴ См. стр. 49 (109—110), где сведены важнейшие из использованных албанских слов в количестве около пятнадцати. Весьма характерно, что в работе В. И. Абасва «Скифский язык» («Осетинский язык и фольклор», вып. I, стр. 151—190) на 230 скифских слов только 30 не имеют осетинских параллелей.

⁵ Так, некоторые фракийские и иллирийские имена сохранились у албанцев, например *Bala*, *Bato*, *Dasa* и др. См.: Fr. Norcsa, Sind die heutigen Albanesen die Nachkommen der alten Illyrier? «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1911, стр. 919—920; е го же, Thrakische-albanische Parallelen, «Anthropos», Bd. VIII, 1913, стр. 139, 142, 148.

⁶ Б. А. Серебряников [см. его «Краткий очерк грамматики албанского языка» — прилож. к «Краткому албанско-русскому словарю» под ред. А. Косталлари (2-е изд., М., 1951), стр. 465] справедливо отмечает неразработанность этой тематики.

⁷ Ср. А. Philippide, Originea Romînilor. vol. II. Iași. 1927, стр. 632 и сл.

⁸ Некоторые западноевропейские исследователи допускают древний контакт между иллирийским и фракийским. См. W. Brandenstein, Thrakische Sprache. Übersicht, в кн.: «Pauly's Real-Encyclopädie...», Reihe II, Halbband XI, Stuttgart, 1936, стр. 413. История языков, как известно, не знает примеров языкового родства, возникшего

романские языки Балканского полуострова, вытеснившие местами иллирийский, фракийский и другие туземные языки. Так, далматский язык показывает как будто бы другой субстрат, отличный от субстрата дако-романского языка, но вместе с тем показывает также ряд общих черт с дако-романским. Приведем один пример.

Далматский язык имел богатую систему дифтонгов (ср. лат. *album* — юж. далм. *ua'lb*), чего не было в дако-романском (молд. *alb* и рум. *alb*)¹. Весьма примечательно, что во фракийском языке старые индоевропейские дифтонги с *u* монофтонгизировались [*a(w) — e(w)*], а дифтонги с *i* (*ai, ei*) слились с вновь возникшими дифтонгами *ai* и *oi* (ср. имя *Ρασχοιτορις* < **Ρασχιοιτορις*, восходящее к и.-е. *rêg'* «править»), которые также не отличались устойчивостью (стр. 36—39; 97—99)².

Поэтому правомерно, исходя из обилия дифтонгов в далматинском, предположить наличие устойчивой серии дифтонгов в иллирийском языке, что подтверждается иллирийскими личными именами *Aioia, Andueia, Rallaios, Reucus* и т. д.³. Далее, характерно, что албанский язык имеет тоже много дифтонгов (*ai, ei, oi, ui, io, iu, ei, ou* и т. д.), что, вероятно, говорит о более близкой связи албанского с иллирийским, чем с субстратом дако-романского языка.

Таким образом, работа акад. Д. Дечева как результат долголетних и тщательных изысканий а тора заслуживает весьма положительной оценки. Книга эта безусловно сыграет значительную роль в деле дальнейшего развития исследований по фракийскому языку. В рецензируемой работе наиболее ценным является наличие связанного очерка фонетических особенностей фракийского языка (данного впервые), и если в ней имеются спорные положения, то это вина не столько автора, сколько самого источниковедческого материала. Плодотворной является постановка вопроса о фрако-албанских связях. Нам кажется, что, работая в этом направлении, можно будет сделать немало для пополнения наших сведений о фракийском языке. Менее убедительно раскрыты автором родственные связи фракийского языка с иллирийским и фригийским языками. Недоказанным остается предположение об исключительной близости фракийского языка к иранской группе языков.

Приходится сожалеть, что пропедевтическая часть работы, содержащая лексику фракийского языка, до сих пор не вышла в свет. Пожелаем автору, скорейшего ее печатания.

Б. И. Надэль

в результате контакта или схождения языков, и поэтому речь должна идти здесь о генеалогическом родстве.

¹ См. Б. Надэль и Р. Пиотровский, К вопросу о народно-латинской основе молдавского языка, «Октябрь», Кишинев, 1952, № 6, стр. 69.

² Встречаюся также начертания *Ρασχοιτορις, Ρεσχοιτορις, Ρησχοιτορις*, свидетельствующие, с одной стороны, о колебании *a—e*, а с другой, о слабой дифтонгизации.

³ Ср. А. Philippide, указ. соч., vol. I, Iași, 1923, стр. 623 и сл.